

Л.В. Максимов

Оправдание как процедура и вердикт¹ морального сознания

1. Одобрение — осуждение — оправдание

Мораль в ее реальном функционировании не только одобряет и осуждает, предписывает и запрещает, но наряду с этими категорическими, безусловными оценками и санкциями еще и *оправдывает*, признает допустимыми те или иные поступки и намерения. *Оправдание* расширяет спектр фундаментальных ценностных вердиктов (не только в моральной, но и в других сферах ценностного сознания), превращая простую дихотомию «одобрение — осуждение»² в трихотомию «одобрение — осужде-

¹ Слово «вердикт» в его реально сложившемся употреблении давно вышло за рамки словарных дефиниций, сохранивших за этим словом только исходное его значение: «решение суда присяжных». Фактически под «вердиктом» — в более свободной и широко распространенной его трактовке — принято понимать моральную и (или) правовую оценку какого-либо поступка или намерения, вынесенную каким-либо (не обязательно институционализированным) субъектом на основе анализа, обсуждения, взвешивания на «нормативных весах» различных составляющих данного поступка или намерения. Это по сути общепринятое сейчас значение и имеется в виду при употреблении слова «вердикт» в настоящей статье.

² Указанная понятийная пара может быть дополнена или заменена другими контрарными понятиями (например — «предписание и запрещение», «похвала и порицание» и др.), однако такое замещение позволяет лишь стилистически и контекстуально разнообразить противопоставление «позитивного» и «негативного» (в ценностно-нормативном смысле), ничего не добавляя к общей логике этой операции; действительно, предписываются (или вменяются в обязанность) фактически те же самые поступки и планы, которые получают одобрение или похвалу, а запрету подлежит то, что осуждается и порицается.

ние — оправдание». Термины «оправдание» и «одобрение» суть в равной мере *антонимы* «осуждения» (и «обвинения»), однако при этом «оправдание» не является *синонимом* «одобрения» («похвалы» и пр.), оно занимает особое место в указанной триаде³.

Оправдание — это в целом позитивный вердикт, но, в отличие от одобрения, его позитивность не безусловна; оправдать поступок — не значит безоговорочно его одобрить или представить в качестве образца для подражания. Сама надобность в оправдании возникает в отношении поступка, в котором присутствует (на самом деле или по видимости) элемент «зла», т.е. чего-то непозволительного, осуждаемого, и в котором вместе с тем имеется «добрая» составляющая, полностью или частично компенсирующая допущенное зло; либо — в другом варианте — этот поступок хотя и является морально недопустимым, но в силу не зависящих от субъекта обстоятельств он был вынужден его совершить. Поэтому для того, чтобы вынести оправдательный вердикт в отношении этого поступка (или субъекта, совершившего его), необходимо *количественно* определить как «размеры» причиненного зла и произведенного добра в их «весовом» соотношении, так и степень «вынужденности» ориентированных на «зло» действий. Необходимо, следовательно, разобраться в обстоятельствах дела, далеко не всегда лежащих на поверхности, понять мотивы совершаемого или планируемого поступка, его последствия, подвести полученные сведения под соответствующие моральные нормы и найти взвешенное, аргументированное решение, адекватное данной ситуации.

Обыденное моральное сознание осуществляет все эти операции, как правило, в свернутом виде, непосредственно, без рефлексии, открывая путь для проникновения в моральный

³ В этике и аксиологии с давних пор весьма популярна классификация всех объектов, потенциально подлежащих оценке, путем разделения их на три группы: положительные, отрицательные и «безразличные» в ценностном отношении. Соответственно и оценки делятся на одобрительные, осудительные и «нейтральные», причем к последним слово «оценка», строго говоря, неприменимо, поскольку они выражаются в безоценочных суждениях. Оправдание же противостоит одобрению и осуждению вовсе не в качестве «безоценочного» феномена: оправдание (как вердикт) — это не отказ от оценки, а ее специфический вид.

дискурс логических и фактологических ошибок, искажающих тот вердикт, который был бы вынесен в их отсутствие. Традиционная этика как практическая *философия*, естественно, не ставила своей задачей решать массу запутанных, ситуативно обусловленных моральных проблем, возникающих в повседневной жизни; она вырабатывала лишь общие ценностные ориентиры, общие критерии добра и зла, должного и запретного, которые, как молчаливо предполагалось, могут служить руководством для разрешения конкретных моральных коллизий.

Однако эффективность такого руководства изначально ограничена высокой степенью абстрактности спекулятивной моральной философии, оперирующей в основном полярными категориями добра и зла, обязательного и запретного. Эта доминирующая в классической этике «черно-белая» поляризация понятийного аппарата делает возможным применение его лишь к простым, прозрачным ситуациям, где вынесение однозначного вердикта — одобрительного или осудительного — не вызывает сомнений у тех, кто руководствуется ценностными критериями, заимствованными из того или иного классического учения. В реальных же многофакторных ситуациях, отдельные составляющие которых подпадают под разные, прямо противоположные оценки, возникает проблема вынесения и обоснования *интегральной* оценки или вердикта.

Сложность в том, что поступки, совершенные в подобных ситуациях, не могут быть оценены ни как безусловно позитивные (в моральном отношении), ни как безусловно негативные, они занимают некоторое промежуточное место на любой (из имеющихся в общественном сознании) оценочной шкале. Поэтому моралист, мысль которого последовательно идет по упрощенной схеме жесткой дихотомии добра (должного) и зла (запретного), вынужден — нередко вопреки эмпирической очевидности и многовековой социальной практике — настаивать на неукоснительном следовании данной схеме, подгоняя под нее и неизбежно при этом искажая, фальсифицируя ту ситуацию, по поводу которой выносится моральный вердикт⁴.

⁴ Примером подобного подхода является позиция, заявленная и обосновываемая Кантом в его эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (см.: *Кант И.* Тракаты и письма. М., 1980. С. 292–297.

Конечно, сам термин «оправдание» (как и его контекстуальные вариации — оправданность, допустимость и др.) постоянно фигурировал в этических текстах, однако обозначаемое им понятие так и не приобрело в этике теоретического статуса, соразмерного практической значимости оправдательной процедуры. Из-за этого значительный слой морального сознания оставался вне досягаемости (а иногда и вообще вне зоны внимания) исследователя; поэтому и без того весьма абстрактные теоретико-этические концепции, отвлеченные от моральной эмпирии, от феноменологии морали («отвлеченные» не в смысле неизбежной идеализации своего объекта, а в смысле «упущения из виду» многих его составляющих, т.е. неполноты, фрагментарности исследования), не учитывающие роли и места процедуры оправдания в функционировании морального сознания, становились еще более абстрактными (в указанном смысле).

Эти черты традиционной этики, как уже сказано, вполне для нее органичны; она негласно сопротивлялась внедрению в этический дискурс «эмпирических», не укладывающихся в метафизические и априористские схемы, процедур, — таких как взвешивание мотивов, интересов, ценностей; выяснение конкретных обстоятельств, влияющих на моральный вердикт и пр., — сопротивлялась потому, что учет всех этих факторов разрушил бы искусственную стройность, системность спекулятивных этических концепций.

Введение понятия «оправдание» в активный аппарат этики нужно для того, чтобы приблизить этический анализ к реалиям морального сознания, исследовать его действительные механизмы (ценностные, психологические, дискурсивные). Необходимо прояснить логику морального оправдания как особого вердикта и особой процедуры в их соотношении с другими вердиктами и операциями морального сознания. Это позволит более точно и дифференцированно подходить к оценке и разрешению сложных моральных коллизий.

2. Моральное оправдание в историко-этических сюжетах

Теодицея, т.е. «оправдание Бога» за наличествующее в мире зло, — это сквозная тема религии и богословия, берущая начало еще в античном политеизме. Исторические типы теодицеи,

по словам С.Аверинцева, «зависят от... различно определяемого объема божественной ответственности за мировое бытие»⁵. Языческие боги не являются создателями и полновластными распорядителями космоса, поэтому мера их ответственности сравнительно мала. Особенно остро стоит проблема теодицеи в библейском теизме, признающем, что от Бога «исходит вся целокупность бытия, как она раскрывается в своих светлых и темных сторонах», Бог предопределяет все события, в том числе человеческие действия, откуда следует, что «бога логично обвинить не только за ненаказание виновного, но и за самую вину виновного, ибо всякая вина есть вина бога, так что последний не имеет права никого наказывать»⁶. В этой, казалось бы, безысходной ситуации христианская философско-богословская мысль Средневековья выработала массу изощренных приемов оправдания Бога, причем некоторые аргументы из этой серии вполне могут служить моделью для морального оправдания тех или иных человеческих деяний.

Один из таких аргументов базируется на идее «свободной воли»: Бог, сотворяя высшие разумные существа (ангелов и людей), наделил их способностью свободно выбирать между добром и злом; следовательно, ответственность за творящееся зло лежит на тех, кто воспользовался этой способностью, предпочтя зло добру. Понятно, что апелляция к свободной воле может быть использована (и действительно нередко используется) для оправдания родителей и воспитателей в случае вменения им вины за проступки их подопечных.

Другие — спекулятивно-метафизические, эстетико-космологические — построения теодицеи гораздо труднее спроецировать на обычные, житейские ситуации. Речь идет, в частности, об отрицании субстанциальности зла (т.е. о признании добра единственной субстанцией, сотворенной Богом, и истолковании кажущегося зла как локальной нехватки или отсутствия добра), а также о необходимости зла как для существования самого добра (мол, если нет зла, то нет и добра, одно

⁵ Аверинцев С. Теодицея // Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В.Константинов: В 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 197–198.

⁶ Там же. С. 199.

предполагает другое), так и для совершенства мирового целого. Эту последнюю идею подробно разработал Лейбниц, утверждавший, что наилучший из всех возможных миров есть тот, который включает в себя максимальное разнообразие степеней совершенства — от низшей до высшей; и вот Бог, создавший наилучший мир, допустил во имя этого необходимого разнообразия наличие в нем страданий, преступлений и прочих зол. Другими словами, допущение зла оправдывается тем, что оно служит условием или средством для реализации перекрывающей его высшей ценности — мирового совершенства.

Нетрудно видеть, что этот аргумент подпадает под известную формулу — **«цель оправдывает средства»**, также издавна дискутируемую как в богословском, так и — главным образом — в более широком философско-этическом контексте. Эта формула допускает множество разных толкований⁷, но основное из них (как раз предполагающее использование термина *«моральное оправдание»*) может быть представлено следующим образом: причинение (кому-то) некоторого «зла» является допустимым (т.е. морально оправданным), если посредством данного поступка планируется получить «добро» (или «благо»), превышающее причиненное «зло».

Вообще, моральное оправдание — необходимый элемент множества жизнеучений, идеологий, всей духовно-практической деятельности. Любая **идеология** есть по существу *моральная апология* некоторых неморальных или аморальных целей и ценностей — политических, экономических и др., за которыми стоят те или иные частные, своекорыстные интересы; идеолог стремится доказать, что защищаемая им политическая и пр. программа, даже если она предполагает ущемление чьих-то прав, направлена в действительности на борьбу против социального зла, на установление или восстановление социальной справедливости — т.е. создателями и проводниками этой программы якобы движут исключительно моральные мотивы.

⁷ Изложение и анализ имеющихся трактовок указанной формулы см. в статье: Апресян Р.Г. «Цель оправдывает средства» // Этика: Энцикл. словарь / Под ред. Р.Г.Апресяна и А.А.Гусейнова. М., 2001. С. 533–535.

К моральному оправданию прибегают многие **нормативно-этические учения**; так, гедонисты фактически *оправдывают* перед лицом морали свою — в целом неморальную, но чреватую также аморальными последствиями — ориентированность на «удовольствие как высшее благо», вводя в состав своего учения «уточняющее» положение о том, что наибольшее удовольствие (понятое как отсутствие страданий) достигается через добродетельный — уже в собственно моральном смысле — образ жизни.

Поскольку в каждой более или менее развитой системе социальных отношений поведение индивида регулируется множеством норм, различающихся по содержанию и обязующей силе, неизбежно возникают ситуации конфликта моральных или правовых обязанностей, когда любая линия поведения, выбранная индивидом, сопряжена с нарушением какой-либо нормы. Специальный анализ таких случаев («казусов») и подведение их под специально разработанные детализированные нормы, учитывающие неоднозначность, противоречивость ситуации и вместе с тем дающие ей вполне определенную, однозначную оценку (обвинительного или оправдательного характера), с давних пор составлял одну из главных задач **правовой казуистики**. Для институционализированной правовой системы, пришедшей на смену примитивному обычному праву, очень важно было выработать критерии, позволяющие ранжировать по степени, по относительному весу разные правовые нормы и на этом основании оценивать поступки, идущие вразрез с этими нормами или соответствующие им. Иерархия деяний по их правовой значимости создавала предпосылки для вынесения справедливого (в согласии с данным типом правосознания) судебного вердикта, учитывающего не только факт правонарушения, но и обстоятельства, свидетельствующие в пользу нарушителя, путем сопоставления весомости аргументов «за» и «против» признания его виновным. Эта тщательно разработанная и законодательно зафиксированная правовая система, разумеется, не могла охватить всего многообразия возможных «казусов», ограничившись по необходимости их типологией и предоставив проведение более подробного анализа и правовой оценки каждой конкретной ситуации практическому судопроизводству.

Именно в правовом поле впервые была четко определена и обрела свой законный статус важнейшая процедура *оправдания*, как и соответствующий вердикт, противостоящий «осуждению», но не совпадающий с «одобрением». Поэтому понятие оправдания в юриспруденции осмыслено гораздо более основательно, нежели в этике, хотя по сути оно явилось эксплицитным выражением подобных же (по содержанию и механизму), но слабо или вовсе не рефлексированных процедур, совершаемых моральным сознанием.

В системе права «оправдание» означает приговор суда о признании обвинения несостоятельным (т.е. обвиняемого — невиновным), если: не установлено событие преступления; в действиях обвиняемого нет состава преступления; не доказано участие обвиняемого в совершенном преступлении. Кроме того, в правовой и моральной практике учитываются обстоятельства, на основании которых выносится решение, частично оправдывающее обвиняемого. Если установлено, например, что обвиняемый (подозреваемый) действительно совершил преступление или проступок, т.е. нарушил юридический или моральный запрет либо не последовал некоторому правовому или моральному предписанию, но вместе с тем выяснено, что его действия совершены в состоянии аффекта, «сильного душевного волнения»; из-за угроз или иных воздействий на него со стороны других лиц; для того чтобы избежать — с помощью преступления — каких-то тяжелых для себя или своих близких бедствий; с целью предотвратить нежелательные для общества, для других людей последствия, пресечь чьи-то (более опасные, чем свои собственные) преступные действия, защитить честь и достоинство (свои или других людей) и т.п., — т.е. если преступления совершены либо по «благородным», морально одобряемым, либо «по-человечески понятным», уважительным, заслуживающим снисхождения мотивам, — то суд может смягчить свой обвинительный вердикт.

Тяжесть проступка, так же как и весомость смягчающих вину обстоятельств, имеет количественное измерение (хотя и весьма неопределенное) как в правовых кодексах, так и в правосознании и моральном сознании данного конкретного общества; от соотношения этих противовесов зависит характер вердикта: полное либо частичное оправдание.

Помимо сказанного, моральное сознание *оправдывает* (т.е. снимает обвинение либо уменьшает его тяжесть, — однако в любом случае не одобряет) те мотивы и действия, которые хотя и идут вразрез с требованиями морали, но диктуются «естественными» эгоистическими побуждениями и интересами (например, когда индивид ставит интересы свои и своих близких выше интересов «дальних»), и те, которые хотя и приводят к дурным последствиям, но движимы чисто моральными мотивами (чувством морального долга), — т.е. в случаях, когда результаты действий не соответствуют «благим намерениям» (то ли в силу форс-мажорных обстоятельств, то ли из-за добросовестных ошибок и заблуждений самих деятелей).

3. Метаэтический анализ морального оправдания

В современной (главным образом англоязычной) **аналитической этике**, или **метаэтике**, термин «моральное оправдание» вместе с другими — близкими по значению или функционально связанными с ним — терминами является объектом специального логико-лингвистического исследования. Задача такого исследования — эксплицировать и уточнить эти термины, с тем чтобы минимизировать возможность ошибок, допускаемых в нормативно-этическом и моральном дискурсе при осуществлении процедуры морального оправдания. Правда, во многих работах указанный терминологический анализ не только не способствует устранению ошибок в моральных рассуждениях, но, напротив, приводит к смешению терминов и, соответственно, обозначаемых ими операций морального сознания.

Оправдание и обоснование знания. За последние несколько десятилетий в западной логико-методологической литературе появилось огромное количество работ, где в качестве одного из ключевых фигурирует термин «оправдание» (англ. *justification*), употребляемый не только в этическом, но и в эпистемологическом контексте — там, где речь идет об «оправдании» знаний, убеждений, мнений (*knowledge, beliefs*). При переводе этих текстов на русский язык термину «*justification*» обычно ставится в соответствие слово «обоснование», и это

верно, поскольку «оправдывать» знание (как и «обвинять» его) бессмысленно: оно подлежит обоснованию, т.е. доказательству его истинности, подкреплению с помощью рациональных доводов или ссылок на факты.

Тем не менее в английских текстах за словом «justification» прочно закрепились оба указанных значения — и оправдание, и обоснование, что приводит к ошибкам двух видов: либо вполне адекватно понятое оправдание применяется в ситуации, где эта процедура совершенно неуместна, либо, напротив, логико-эпистемологическое обоснование подменяет собой операцию оправдания.

Так, автор статьи «Эпистемология» в Стэнфордской философской интернет-энциклопедии⁸, определив «деонтологическое» *оправдание* в соответствии с общепринятым значением этого слова, а именно — как снятие вины с человека, совершившего проступок, приведя затем общую формулу условий оправданности («Совершение субъектом *S* поступка *x* является оправданным, если и только если *S* не обязан воздержаться от выполнения *x*») и иллюстрируя это условным примером («Марта» дала ложный ответ на некий вопрос «Тома», но ее ложь оправдана тем, что заданный вопрос был «бестактным» и потому не обязывал ее говорить правду), тут же механически перенес эту схему на эпистемологическую ситуацию, где «оправданию», по мнению автора, подлежал не поступок, а «убеждение» (*belief*) как когнитивный феномен; итог такого перенесения зафиксирован в следующем маловразумительном постулате: «Убеждение *S* в том, что *p*, является оправданным, если и только если *S* убежден в *p* и вместе с тем *S* не обязан воздерживаться от убеждения в *p*». Ущербность этой последней формулы обусловлена тем, что автор счел возможным употребить понятия оправданности (и обязанности субъекта) в отношении «убеждения», которое, как и прочие когнитивные феномены, выражаемые в субъектно-предикатных суждениях, нуждается не в оправдании, а в обосновании.

⁸ Steup M. Epistemology // E.N. Zalta, ed., The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2005 Edition). URL = <<http://plato.stanford.edu/entries/Epistemology/>>.

В другой статье из той же энциклопедии — «Эпистемология морали»⁹ — термин «оправдание» вообще фигурирует исключительно в логико-эпистемологическом («обосновательном») значении, даже когда специально говорится о моральных (оценочных и нормативных) высказываниях; выражения «моральное оправдание» и «оправдание морали» употребляются в этой статье в одном и том же смысле: оба они обозначают «обоснование истинности моральных высказываний».

Моральное оправдание и обоснование морали. *Обосновать* мораль — значит логически вывести моральные (императивные и оценочные) принципы, основоположения из каких-то других — объективно-истинных, или аксиоматических, или «авторитетных» — неморальных положений (фактологических или неморально-ценностных), имея целью с помощью указанного вывода подкрепить, увеличить вес моральных императивов и оценок в сознании людей. Эта процедура производится в случае сомнений в достаточной убедительности, психологической действенности морали без указанного подкрепления. В этом контексте термин «оправдание» неуместен. Но главный критерий различия «обоснования морали» и «морального оправдания» состоит в том, что обоснование — это логическая (и в этом отношении — ценностно-нейтральная) операция, а оправдание — это ценностный вердикт; поэтому «обоснованным» может быть любой ценностный вердикт, т.е. не только оправдание, но и осуждение, и одобрение.

Тем не менее в англоязычной литературе термин «оправдание» (*justification*) постоянно фигурирует и там, где речь идет именно и только об *обосновании* (рациональном подкреплении, фундировании) морали, а не о моральном *оправдании* чего-либо. Это связано с тем, что в английском языке (по крайней мере, в теоретических работах) слова, обозначающие «обоснование» и «доказательство» (*substantiation, warrant, proof, evidence* и др.) как логические процедуры, употребляются почти исключительно в научном (*scientific*) и вообще когнитивном контексте; т.е. го-

⁹ Campbell R. Moral Epistemology // E.N. Zalta, ed., The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2007 Edition). URL = <<http://plato.stanford.edu/archives/sum2007/entries/moral-epistemology/>>.

воря об *обосновании* какого-либо ментального феномена, англоязычный теоретик имеет в виду прежде всего феномен познавательный (фактологическое или абстрактно-теоретическое суждение,веряемое на истинность и ложность). А к тем операциям, которые производятся в гуманитарных дисциплинах (*humanities*) и объектом которых являются ценностные высказывания, более подходит термин «оправдание» (*justification*)¹⁰.

При всех контекстуальных различиях, процедуры оправдания и обоснования сходны по логической структуре, а в некоторых словосочетаниях — например, «моральное оправдание» и «моральное обоснование» — эти термины почти идентичны по смыслу, поскольку в обоих случаях имеется в виду моральное подкрепление тех или иных неморальных позиций или поступков.

Моральное оправдание и оправдание морали. Говорить об «оправдании» морали имеет смысл только в том случае, если против морали, ее принципов и норм выдвигается некое «обвинение» с позиций «более высоких» или «высших» ценностей. Подобные обвинения, действительно, звучали в некоторых экзотических учениях (главным образом, у Ницше и его последователей), и это обстоятельство, по-видимому, повлияло на выбор Вл. Соловьевым названия для своего знаменитого труда — «Оправдание добра». *Оправдать* мораль, строго говоря, — значит сопоставить моральные ценности с некоторыми другими, неморальными ценностями, которые по принятой кем-то ценностной шкале стоят «выше» морали, с целью показать, что нормативно-ценностные положения морали не противоречат или даже вполне согласуются с этими «более высокими» или «высшими» ценностями.

Однако вне этого полемического контекста выражение «оправдание морали» утрачивает смысл. Моральные ценности не нуждаются в «оправдании» через что-то другое, более «высокое» в ценностном смысле. Мораль сама является критерием «высшего» в ценностной иерархии, сложившейся в развитом

¹⁰ Подробный анализ указанных терминологических оттенков дан в статье Дж. Д'Армса и Д.Джэкобсона «Экспрессивизм, мораль и эмоции» (*D'Arms J., Jacobson D. Expressivism, Morality, and the Emotions // Ethics. An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy. 1994. Vol. 104. № 4*).

общественном сознании. «Оправдание» и в русском, и в английском языках имеет специфический смысловой оттенок: процедуре оправдания подвергаются лишь «дурные» (или кажущиеся таковыми) намерения, установки, поступки; оправдание — это особая процедура снятия вины или осуждения; и поскольку намерения или поступки «оправдываются» перед лицом морали, сами моральные ценности (принципы, нормы, оценки) не могут быть объектом оправдания, мораль здесь — субъект, эталон и инструмент оправдательной процедуры. Поэтому в тех работах, где говорится об *оправдании морали*, фактически в большинстве случаев имеется в виду ее *обоснование*.

Моральное оправдание поступка и объяснение ситуации. Для того чтобы морально оправдать некоторый поступок или намерение, надо объяснить ситуацию, в которой данный поступок совершен или запланирован, — в частности, объяснить движущие мотивы поступка, указать различные привходящие обстоятельства, повлиявшие на выбор поступка и его последствия. Фактически оправдательный вердикт выносится в отношении не поступка как такового, а его «образа», сформированного в результате представленного объяснения.

Тесная связь объяснения и оправдания иногда приводит к смешению этих процедур, к неверному представлению о том, что «самый акт объяснения безнравственного поведения... влечет за собой своего рода его защиту»¹¹. Однако объяснение — это всецело познавательная процедура, а оправдание, как отмечалось выше, есть определенный ценностный вердикт. Знание, полученное в результате *объяснения* ситуации, совсем не обязательно работает на *оправдание* поступка; в зависимости от его содержания, оно в принципе может послужить основанием для любого вердикта. Поэтому в случае споров и сомнений по поводу правомерности морального оправдания того или иного действия главное внимание уделяется событийной стороне дела, т.е. объяснению (выяснению и истолкованию) обстоятельств, сопутствующих данному поступку.

¹¹ Andrews K. How to learn from our mistakes. Explanation and moral justification. URL = <<http://www.yorku.ca/andrewsk/documents/HowtoLearnfromOurMistakes.pdf>>.

Моральное оправдание и прощение. Прощение — это «отказ от возмездия за обиду или нанесенный ущерб»¹². Прощение — не юридический акт (типа амнистии или помилования), диктуемый различными государственно-прагматическими соображениями, а акт духовный, в основе которого — особая ценностная позиция, принцип («Не воздавайте злом за зло» и т.п.), либо чувство жалости, сострадания. Если оправдание производится только при соответствующих оправдывающих обстоятельствах, то прощение не предполагает наличия таких обстоятельств в качестве обязательного условия.

4. Моральное оправдание в профессиональной и прикладной этике

Профессиональная этика конкретизирует общие нормы морали применительно к ситуациям, характерным для той или иной области профессиональной деятельности. Указанная конкретизация не может быть простой проекцией и уточнением общих норм, поскольку сложные, противоречивые и вместе с тем типичные, повторяющиеся ситуации, с которыми приходится иметь дело профессионалу, часто ставят его перед необходимостью выбора одного из двух возможных решений, каждое из которых отвечает определенным моральным требованиям, но при этом неизбежно влечет за собой нарушение других норм морали; поэтому важной функцией профессиональной этики является легитимизация, внесение в соответствующий кодекс некоторого вполне определенного решения, обязательного для исполнения, несмотря на его небезупречность в моральном отношении. Предписываемое решение признается некоторой компетентной инстанцией морально оправданным, имеющим преимущество перед альтернативным решением, причем этот оправдательный вердикт является внутренним компромиссом, не разрушающим сложившейся системы моральных ценностей, не требующим ее пересмотра.

¹² Апресян Р.Г., Мелешко Е.Д. Прощение // *Этика: Энцикл. словарь* / Под ред. Р.Г.Апресяна и А.А.Гусейнова. М., 2001. С. 396.

Разумеется, логика и социальный механизм профессионально-этической кодификации норм могут быть интерпретированы и по-другому. «Этическая институционализация врачебной деятельности, — пишет А.А.Гусейнов, — не ограничивается тем, что в ее рамках конкретизируются общие моральные принципы... Она доходит до того, что санкционируются отступления от общих принципов, если это признается целесообразным с традиционной точки зрения. В этом смысле врачебная деятельность — не просто посредствующее звено между общей моралью и конкретными решениями. Она оказывается уже источником морали. Врачебная этика до недавнего времени исходила из того, что врач должен скрывать смертельный диагноз от больного, оправдывая это интересами последнего. Данное отступление от принципа “не лги” явно не ставило под сомнение его безусловность вообще, но тем не менее по сути было таковым. Здесь речь идет не просто о некоей особенности профессионального этоса, а об особом образе самой морали. Требование “не лги” представляет собой такой моральный принцип, который в известном смысле тождественен самой морали. Обосновывая право отступления от него и делегируя это право врачу, врачебная этика соединяет мораль и профессию (врачебную деятельность) столь полно, что последняя не только воплощает мораль, но еще и порождает ее»¹³. Другими словами, санкционирование лжи в определенного рода ситуациях фактически рассматривается здесь не просто как вынужденная (и только в силу этого допустимая, морально оправданная в рамках существующих норм) мера, а как собственно моральная инновация, внесенная медицинским сообществом и в этом статусе, очевидно, не нуждающаяся в моральном оправдании.

Что касается проблем прикладной этики, то их специфика такова, что любое решение в этой области не может быть безоговорочно санкционировано моралью, в лучшем случае оно будет морально оправданным, но не безусловно принятым. Один из важнейших признаков этих проблем — их открытость:

¹³ Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Прикладная этика: метаэтические рефлексии: Сб. ст. / Сост.: Ниёле Васильевене и Рубен Апресян. Каунас—Вильнюс, 2005. CD ISBN 9986-19-831-3. С. 7.

они «имеют форму дилеммы, каждое из взаимоисключающих решений которой поддается моральной аргументации»; они являются «открытыми не потому, что не найдено логически безупречного обоснования, а потому, что не имеют его»¹⁴. Действительно, даже сторонники смертной казни, эвтаназии, легализации наркотиков и пр. не ставят целью доказать, что все это заслуживает морального одобрения; они отстаивают лишь моральную оправданность этих социальных институтов, поскольку, по их мнению (подкрепленному более или менее весомыми аргументами), снятие существующих запретов принесет обществу больше пользы, нежели вреда.

В литературе по прикладной этике при выдвижении моральных аргументов за или против определенного решения той или иной проблемы дискутирующие стороны часто обращаются к Канту — иногда как к союзнику, иногда как к авторитетному оппоненту, позицию которого невозможно игнорировать.

В одной из работ, анализирующих широкий круг этико-прикладных проблем через призму Кантовой теории¹⁵, каждый тематический раздел начинается с изложения систематизированного набора аргументов, морально оправдывающих (на уровне обыденного здравого смысла) некоторые спорные решения обсуждаемой проблемы, а затем эти аргументы автор поверяет на прочность через сопоставление их с доводами, опирающимися на кантовский моральный абсолютизм. В работе формулируется, в частности, ряд условий, при соблюдении которых война может быть признана справедливой и, значит, морально оправданной, несмотря на смерть и разрушения, которые она приносит; эти условия таковы: война ведется во имя спасения основных жизненных ценностей данного сообщества от несправедливого агрессора; все невоенные средства разрешения конфликта исчерпаны; война не подвергает опасности более высокие цен-

¹⁴ Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Прикладная этика: метаэтические рефлексии: Сб. ст. / Сост.: Ниёле Васильевне и Рубен Апресян. Каунас—Вильнюс, 2005. CD ISBN 9986-19-831-3. С. 2, 3.

¹⁵ Iwuagwu E.K. The Implications of Kant's Conception of the Absolute Good Will for Some Current Ethical Issues Like Suicide, War, Abortion, Violence, Corruption and Terrorism. URL = <<http://http://www.frasouzu.com/Seminar%20Papers/Kant's%20Absolute%20Good%20and%20its%20Implications.htm/>>.

ности, чем те, которые нуждаются в защите, и т.д. Но далее автор дезавуирует все доводы в пользу оправданности войны при каких бы то ни было условиях, поскольку незыблемая в его глазах кантовская парадигма категорического императива не допускает универсализации максимы, ориентирующей на ведение любой войны, даже «справедливой».

По тем же основаниям объявляется недействительным моральное оправдание суицида, аборт, насилия и пр. В работе, правда, встречаются оговорки (концептуально ничем не подтверждаемые), что теория Канта, возможно, упускает из виду некоторые особые обстоятельства, позволяющие сделать исключения из абсолютных запретов или предписаний; упоминаются также (в нейтральном ключе) «некоторые ученые», считающие, что этическая философия Канта не в состоянии что-либо подсказать практическому моралисту в ситуациях, где имеет место конфликт моральных обязанностей. Но в целом автор данной работы, как и множество других философов, занимающихся проблемами прикладной этики, не видит реальной альтернативы кантовскому абсолютизму, и потому в решении этих проблем занимает позицию, которую можно назвать «моральным фундаментализмом», — позицию, по существу очень близкую (по социально-психологическим истокам и механизмам, не обязательно по содержанию) религиозному фундаментализму. Сходство этих подходов состоит в том, что важнейшие регулятивные нормы человеческого поведения они трактуют как не просто и не только надличностные, надындивидуальные, но и вообще «надчеловеческие», объективно-трансцендентные и потому абсолютно жесткие, подлежащие неукоснительному исполнению; сама возможность «оправдания» каких-либо нарушений этих норм заранее исключена.

Масштабная практическая реализация подобной установки, будь такое возможным, парализовала бы общественную жизнь; поэтому идейный (ценностно-нормативный) фундаментализм любого свойства, даже опирающийся на мощные властные структуры, всегда вынужден в той или иной мере ослаблять категоричность своих требований, допуская, оправдывая и узаконивая многочисленные исключения и отступления от декларированных им норм, «абсолютность» которых оказывается в конечном счете иллюзорной.